

Сюй Фэй замялась, собираясь ответить, но Ли Шуинь бесцеремонно её перебил:

— Напомни, как именно ты тогда выразилась? «Я, Сюй Фэй, в шоу-бизнесе десять лет. Выростила двух киноимператоров, киноимператрицу, одну небесную королеву и четыре музыкальные группы. Среди моих подопечных были те ещё бунтари: один — беспрестанный пьяница, другой — заядлый игрок, третий — гей, четвёртый — тайно женат. Но все они до сих пор процветают. Как думаешь, благодаря кому?»

Ли Шуинь безупречно скопировал её тон, слово в слово повторив то, что она когда-то заявила ему в лицо:

— «Ты ещё слишком молод. Какое такое тёмное прошлое у тебя может быть, с которым я не справлюсь?»

Этот небрежный, издевательский тон заставил её внутренне содрогнуться. Собственные горделивые слова теперь казались хлесткой пощёчиной. Сюй Фэй уже очень давно не испытывала столь жгучего стыда.

И всё же контракт был невозможен. Даже если бы он сотворил чудо, она не имела права его подписать.

Справившись с эмоциями, Сюй Фэй холодно бросила:

— С чего ты взял, что все будут послушно стоять на месте и ждать тебя? Я не подпишу с тобой контракт.

— Вот как? — Ли Шуинь лениво усмехнулся.

Он предвидел этот отказ, но это не имело значения — у него имелся надёжный рычаг давления.

— Я навела о тебе справки, — заговорила Сюй Фэй. — Твоё обвинение в убийстве — непреложный факт. Да, ты был ребёнком, терпел издевательства и рос в настоящей клоаке. По-человечески мне тебя жаль, но сострадание не повод заключать контракт. Я агент, а значит, прежде всего — коммерсант.

Ли Шуинь лишь снисходительно улыбнулся. Он никогда не считал себя несчастным и не нуждался в дешёвой жалости. Он пришёл договариваться, а не ворошить прошлое.

— Пусть контракт исключён, ты мне симпатичен, — призналась Сюй Фэй.

Одной рукой удерживая руль, другой она вытащила из кармана сигарету и неторопливо

прищурила. Выпустив струйку дыма, она с любопытством прищурилась:

— Я не понимаю только одного. Раньше ты наотрез отказывался от шоу-бизнеса. Почему вдруг передумал?

Раньше, заметив на экране его телефона фото Ань Гэ, она решила, что парень обычный фанат. У Эми миллионы поклонников, и Ли Шуинь казался лишь одним из них. Будь он заурядным обывателем, его одержимость после новости о замужестве певицы — вплоть до желания отомстить — не вызвала бы вопросов. Но Сюй Фэй не верила, что столь холодный и расчётливый человек способен на импульсивные глупости ради кумира.

— Неужели замужество Ань Гэ заставило тебя броситься в этот омут? — Она нутром чуяла, что дело гораздо глубже.

— Разве твои ищейки плохо сработали? — Ли Шуинь усмехнулся, глядя на неё в упор. — Неужели ты до сих пор не выяснила, что нас связывает?

Сюй Фэй растерялась. Она искренне не понимала, в какой точке могли пересечься их жизненные пути. Ань Гэ с рождения купалась в роскоши и славе, любимица судьбы, тогда как Ли Шуинь был безродным сорванцом, у которого за душой не водилось ничего, кроме ангельского личика.

Заметив её замешательство, Ли Шуинь понимающе хмыкнул:

— Думаешь, где я, а где она? Логично. В конце концов, блистательной поп-диве негоже трезвонить на каждом углу о том, что в детстве её похитили торговцы людьми. Впрочем, ты со своими обязанностями справляешься из рук вон плохо. Разве такая важная деталь не должна была стать известна агенту? Она ведь ни словом не обмолвилась. Неужели решила, что замела все следы и теперь может спать спокойно?

Этот вкрадчивый, тихий голос прозвучал для Сюй Фэй подобно раскату грома среди ясного неба. Её самая безупречная подопечная, чей образ сиял непорочной чистотой, скрывала столь грязную тайну.

Сюй Фэй резко прищурилась:

— Ты мне угрожаешь?

Ли Шуинь лениво побарабанил пальцами по стеклу. Он дерзко усмехнулся, а в его глазах блеснула опасная решимость.

— Вовсе нет. Я лишь предлагаю сделку.

Сюй Фэй не могла разгадать его истинные намерения, но поняла: разговор предстоит серьёзный. Она плавно свернула к обочине и заглушила мотор. Сделав глубокую затяжку, она медленно выпустила дым и спросила:

— Чего ты добиваешься?

Ей никак не удавалось уловить мотивы парня. В его отношении к Ань Гэ причудливо переплетались болезненная привязанность и глухая ненависть, и Сюй Фэй не могла понять, какая чаша весов перевешивает. Скорее всего, присутствовало и то, и другое, но сейчас ненависть явно брала верх.

— Разве у меня может быть иная цель, кроме как дебютировать в Центре? — небрежно отозвался он.

Но Сюй Фэй не увидела в его глазах ни капли азарта. Сцена и слава его не интересовали.

— Я хочу услышать правду! — вспыхнула Сюй Фэй. — Хватит водить меня за нос. Я прекрасно вижу, что тебе плевать на шоу-бизнес.

Ли Шуинь посмотрел на неё, и в его глазах на миг проступила беспросветная, леденящая душу бездна:

— Я собираюсь разрушить жизнь Шан Муханя. Я хочу, чтобы Ань Гэ была... рас-топ-та-на. Чтобы её имя втоптали в грязь! Этого объяснения достаточно?

Сюй Фэй долго вглядывалась в его лицо, а затем разразилась громким смехом. Ревность? Неужели всё сводилось к банальной зависти?

— Тебе смешно? — Его голос стал опасно тихим. — Мои планы кажутся тебе глупой фантазией?

— Ты вообще понимаешь, о чём говоришь? — Сюй Фэй вытерла выступившую от смеха слезу. — Ты хоть представляешь, кто такой Шан Мухань? А кто такая Ань Гэ? Жалкий бармен возомнил, что может соперничать с Шан Муханем? Как ты собрался уничтожить Ань Гэ? За все эти годы она ни разу не упомянула твоего имени. Для неё ты пустое место, дорожная пыль, о которой она давно позабыла. Ослеплённый ревностью мальчишка решил пойти на таран. Ты думаешь, Шан Мухань позволит тебе крутиться возле его жены? Даже не знаю, как тебя назвать — наивным глупцом или законченным идиотом.

Кое-как подавив смех, она покачала головой:

— Я считала тебя зрелым, прагматичным мужчиной, а ты оказался...

Не дав ей договорить, Ли Шуинь перебил:

— Знаешь, почему в твоём досье указано, что мне двадцать один год?

Сюй Фэй недоумённо замолчала. Какая разница, сколько ему лет? На её выводы это никак не влияло.

Ли Шуинь задумчиво посмотрел на неё, в его глазах тонула бездонная безнадежность:

— Мой возраст подделала Ань Гэ. Семь лет назад мне было тринадцать. По закону я не достиг возраста уголовной ответственности. Даже соверши я преступление, меня защищал статус малолетнего, и тюрьма мне не грозила. Но Ань Гэ безумно хотелось упрятать меня за решётку. Она подтасовала документы, накинула мне лишние годы и добилась, чтобы меня приговорили к десяти годам строгого режима. Шан Мухань и Ань Гэ украли у меня десять лет жизни. И после этого я должен покорно благословлять их союз и радоваться их семейному счастью?

Гнев, копившийся годами, вырвался наружу, точно сокрушительное цунами, сметающее всё на своём пути.

«Так вот почему его личное дело сияет девственной чистотой», — Сюй Фэй застыла. Значит, Шан Мухань лично стёр все записи о судимости. Пальцы, сжимавшие сигарету, мелко задрожали. Шан Мухань и Ань Гэ перешли все границы дозволенного. Сломать жизнь тринадцатилетнему мальчишке, швырнуть его в тюремные застенки ради спасения собственной шкуры...

Но в шоу-бизнесе каждый сам за себя. Сюй Фэй была агентом Ань Гэ, ей не следовало поддаваться эмоциям. Будь на месте Ли Шуиня кто-то другой, она бы выписала ему щедрый чек и выставила из страны. Или решила вопрос кардинальнее, заставив замолчать навсегда. За годы работы она навидалась подобной грязи. Так почему же её руки ходили ходуном?

— Даже если всё так, — сквозь силу произнесла она, — я не могу протащить тебя на «Национальный идол». Подделка документов не отменяет главного: ты убил человека. Это клеймо на всю жизнь. Фанаты никогда не примут айдола с кровью на руках.

— Но я никого не убивал.

Сюй Фэй онемела. Она вытаращила на него глаза, боясь расслышать не то.

— Что?.. Что ты сказал?

Он мягко улыбнулся, и его светлые глаза на мгновение вновь стали чистыми и невинными, как у того тринадцатилетнего подростка.

— На моих руках нет крови. Всю свою жизнь я прожил честно. Я не совершал преступлений, а каждый заработанный мной грош — чистый. Это они передо мной в долгу. И я намерен вернуть своё честное имя.

Сюй Фэй затаила дыхание, боясь пропустить хоть слово. Этот мальчишка пугал её. Какая бездна скрывалась за его спокойным лицом? Сколько ещё козырей он прячет в рукаве, раз держится так уверенно?

— Так за кого ты отсидел? — спросила она одними губами, хотя ответ уже горел в её сознании.

Ли Шуинь горько усмехнулся:

— А у тебя есть другие варианты? Я взял её вину на себя. Спас от плахи. А она... — Он отвернулся к окну. В его глазах блеснули слёзы, но он внезапно рассмеялся — безумно и жутко. — Она сочла меня обузой. Чтобы стереть это грязное пятно со своей биографии, она переписала мою метрику и заживо похоронила меня в камере на десять лет. В тюрьме я постоянно задавался вопросом: может, я плохо к ней относился? Был недостаточно заботлив? Какая глупость... Я наивно верил, что её замучает совесть. Что долгими ночами она видит меня во сне и раскаивается за своё предательство. Но нет. Она ни разу не вспомнила обо мне. Ей хотелось лишь одного: чтобы я сгнил в камере или сдох, навсегда унеся её секрет в могилу.

Пусть бы строила своё счастье с кем угодно. Но зачем она выбрала именно того, кого он ненавидел всем сердцем?

Ли Шуинь оскалился. Раз она сама сделала этот выбор, с какой стати ему молчать? Тот, кто должен прятаться в тени, — это не он.

Окурок в пальцах Сюй Фэй догорел до самого фильтра. Тлеющий уголёк обжёг кожу, но она даже не вздрогнула. Дрожащими руками она достала из пачки следующую сигарету, чиркнула зажигалкой и, сиюсь сохранить остатки хладнокровия, спросила:

— Доказательства того дела... Они сохранились?

Зная методы Шан Муханя, она понимала: он не из тех, кто оставляет лазейки. Если этот человек берётся закопать кого-то, он делает это на совесть. Но непоколебимая уверенность Ли Шуиня заставила её усомниться в безупречности Шан Муханя. Сюй Фэй должна была знать наверняка — от этого зависел её собственный ход.

Если дело действительно можно повернуть вспять, она ухватится за этот шанс зубами. Сюй Фэй достигла потолка как агент, но её амбиции простирались дальше. Она жаждала кресла генерального директора агентства Эл-Эс. Однако пока им единолично управляет Шан Мухань, ей никогда не подняться на эту вершину.

Её влияние таяло на глазах: перспективных артистов переманивали конкуренты, и у неё остались лишь два туза — Ань Гэ и Шан Янь. Но Ань Гэ после свадьбы планировала открыть собственную студию, а Шан Янь рано или поздно уйдёт из шоу-бизнеса, чтобы унаследовать семейную империю. Сюй Фэй отчаянно нуждалась в новой суперзвезде. И если она поможет Ли Шуиню восстановить справедливость, то получит не просто преданного фаворита, но и сокрушит Шан Муханя.

Злоупотребление властью, фальсификация улик и незаконное лишение свободы тринадцатилетнего подростка на долгие годы — такой скандал взорвёт общество. Шан Муханя с позором вышвырнут из совета директоров, а Ли Шуинь превратится в жертву режима, к которой потянутся миллионы сочувствующих сердец. Это был идеальный, безупречный шанс.

Ли Шуинь читал её мысли как открытую книгу. Играть на человеческих слабостях — первое, чему он научился за эти годы. Ему оставалось лишь вовремя подсечь рыбу.

— На том пустыре были ещё двое свидетелей, — небрежно бросил он свой главный козырь.

Ли Шуинь склонил голову набок, и он хищно и торжествующе улыбнулся:

— Ну так что, Сюй Фэй... Сыграем по-крупному?

<http://bllate.org/book/20478/2145869>